

Сомнения в заимствовании лит. *miĕstas* 'город' из славянского

Д. Разаускас (Вильнюс)

Литовское слово *miĕstas* 'город' часто встречается уже у Мартинаса Мажвидаса, Йонаса Бреткунаса, Микалоюса Даукши, Меркелеса Петкевичюса в XVI в., в Библии Самуэля Богуслава Хылиньского, в словаре Константина Ширвида в XVII в. и др. (Sabaliauskas 1990, 232; Skardžius IV, 188). Соответствующие слова издавна засвидетельствованы и в двух других балтийских языках: латышское *miests* в переводе Библии Е. Глика XVII века (Karulis 1992, I, 592); древнепрусское *Mestan* в Эльбингском словаре начала XIV века (№ 796) и *maįsta* с вариантами в словаре С. Грунау первой половины XVI века (№ 3) (Mažiulis 1981, 45, 49). Таким образом, слово известно балтийским языкам уже с самых ранних письменных памятников.

Общепринято считать лит. *miĕstas* 'город' заимствованием из славянского, при этом указываются в первую очередь др.-русск. *мѣсто*, ст.-блр. *место*, блр. *места* и ст.-польск. *miasto*, польск. *miasto* в значении 'город'. Заимствованиями в свою очередь считаются как лтш. *miests* (из восточнославянского, согласно К. Карулису, еще до XIII в.) (Karulis 1992, I, 592; см. LEW, 450), так и др.-прусск. *maista*, *mestan* (последний, согласно В. Мажюлису, из польск. **mĕsto*) (Mažiulis III, 99, 136; см. LEW, 450).

Указанные славянские слова, как известно, наряду со многими соответствиями в других славянских языках, возводятся к праслав. **mĕsto* в изначальном значении 'место, locus'. По словам авторов «Этимологического словаря славянских языков», «первоначальное значение 'locus' сохранилось у южных и восточных славян, у западных славян с XIV в. развивается значение 'urbs' (< 'поселение' < 'ограниченная часть пространства, определенная часть пространства, где может расположиться что-либо') не без влияния немецких *Ort*, *Stadt*, сочетающих значения 'locus' и

¹ См. Buck 1949, 1309; Būga I, 345, III, 678; LEW, 450; Sabaliauskas 1990, 231; Skardžius IV, 188; Zinkevičius 1987, 75 и др.

'urbs'. [...] Значение 'город' в украинском и русском – калька средневосточнонемецкого *stat* 'город, место', через посредство западнославянских языков».²

По определению ЭССЯ праславянское **mĕsto* – «этимологически трудное слово, лишено внутриславянских связей, отсутствуют точные балтийские и другие и.-е. соответствия. Достаточно широким кругом исследователей принимается этимология, согласно которой слав. **mĕsto* следует считать родственным лит. *mintù*, *mitaũ*, *misti* 'питаться', лтш. *mitu*, *mist* 'проживать, находиться, кормиться', лит. *maįstas* 'питание', *maitinũ*, *maitinti* 'кормить', авест. *maēdana-* (ср.п.) 'местопребывание, жилище, дом', *mitayaiti*, *miŋnaiti* 'живет, пребывает', но определенные трудности связаны с интонационными различиями. Праслав. **mĕsto* трактуется как производное с суффиксом *-to* от незасвидетельствованного глагола с и.-е. корнем **meit(h)-*, который определяется как 'местопребывание; питание, пропитание' (Pokorny 715). [...] Другая точка зрения исходит из представлений о праслав. **mĕsto* как образовании с суффиксом *-to*, сложившимся на базе и.-е. **mĕit-* (: **mĕit-* : **mit-*) с общим значением 'укреплять; палка, бревно' (Pokorny 709). Продолжения с этим корнем в др.-инд. *methis* (м.п.), *methī* (ж.п.) 'столб', лат. *mĕta* 'пирамида', ср.-ирл. *methas* 'пограничный знак' (< **mitostu-*), др.-исл. *meiðr* 'брус, бревно', лит. *miĕtas*, лтш. *miets* 'кол, палка'. Первично **mĕt-to* < **moit-to* – прилагательное, которым определялась определенная часть пространства, ограниченная, отделенная от остальной территории. [...] Как видно, в той и другой версии слав. **mĕsto* предстает как новообразование праславянской эпохи, по типу имен на *-to* оформлена и.-е. основа (именная или глагольная), утраченная славянскими языками» (ЭССЯ XVIII, 205–206)³.

Если принять последнюю этимологию (а надо заметить, что именно такую этимологию славянского слова высказывает в своем «Этимологическом словаре индоевропейских языков» Ю. Покорный, и она в качестве единственной указывается в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных (Pokorny 1959, 709; Черных 1999, I, 526)), то следует обратить внимание на то, как объясняются указанные балтийские слова лит. *miĕtas* и лтш. *miets* 'кол, палка'. Дело в том, что они не только отвечают перечисленным родственным существительным дру-

² ЭССЯ XVIII, 205, шире с многочисленными примерами из других славянских языков см. 203–205; ср. Фасмер 1996, II, 608; Zinkevičius 1987, 75 и др. По данным И.И. Срезневского (Срезневский 1989, т. II, ч. I, ст. 246), это слово в значении 'город либо поселение городского типа' засвидетельствовано с самых ранних источников древнерусского языка, т.е. с XI века (за указание на это приношу искреннюю благодарность др. Срезневу Темчину).

³ Здесь же литература относительно обеих этимологий; дополнительно см. Черных 1999, I, 525–526; Karulis 1992, I, 592; Sabaliauskas 1990, 231; Zinkevičius 1987, 75.

гих и.-е. языков, но и возводятся непосредственно к балтийскому глаголу, представленному в латышском *mīe-nu*, *mīet* ‘вбивать в землю тычину частокола’⁴ и в реконструированном К. Бугой литовском **miēti* с тем же значением. Глагол этот в свою очередь восходит к и.-е. **mei-* ‘befestigen, укреплять’: ср. др.-инд. *minōti* ‘укрепляет, сооружает’, *mitá-* ‘укрепленный’, *métar-* ‘созидатель, строитель’, *miti-* ‘сооружение’ и *mit-* ‘столб, колонна’ наряду с *methis* ‘столб’ из **mēit-*; а также лат. *moenia* ‘городские стены; укрепления, укрепленное место, оплот; городская черта, (собственно) город (внутри стен); здание, строение и т.п.’, *mūnio,-īre* (< *moenio*) ‘укреплять, обносить укреплениями; ограждать и т.п.’, *mūrus* (< *moiros*) ‘стена (преимущественно городская); вал, оплот’ наряду с *mēta* ‘пирамида’ из **mē[i]t-* и др. Таким образом, лит. *miētas* ‘кол, палка’, как и лтш. *miets*, беспрепятственно объясняется на основе восточнобалтийского, сохраняя при этом индоевропейскую словообразовательную модель: оно представляет собой причастие страдательного залога прошедшего времени от глагола **miēti* (= лтш. *mīet*) ‘вбивать в землю тычину частокола’ так же, как и.-е. **mei-to-s* – от указанного глагола и.-е. **mei-*. Семантически такое отношение иллюстрируют лит. *basl̥ys* ‘кол’ от *bēsti* ‘втыкать’, *kuōlas* ‘кол’ от *kālti* ‘вбивать’ и т.п.⁵ Ср. соответственно праслав. **kolъ* (русск. *кол*) от **kolti* (русск. *колоть*) (Фасмер 1996, II, 285; Черных 1999, I, 410; ЭССЯ X, 160–161).

Последний пример заслуживает внимания еще и по той причине, что рефлекс праслав. **kolъ* могут получать не только значение ‘кол’, но и собственно ‘частокол’, например, блр. диал. *кол* (ЭССЯ X, 161), ср. наконец и само *часто-кол*. Типологически ср. др.-гр. *staurós* ‘кол, шест’, *stauróō* ‘окружать кольями, обносить частоколом’ и *staurōma* ‘частокол, заграждение’ (ДГРС, 1500); лат. *vallus* ‘кол’, но опять же и ‘частокол, изгородь’ (ср. *vallum caedere* ‘вбивать, вколачивать частокол’) и даже ‘насыпь с частоколом, вал’, ср. производное *vallum* ‘изгородь из стволов молодых деревьев [...]’; вал, насыпь с частоколом’ (ЛРС, 910). Эти примеры в свою очередь находят типологическую параллель в упомянутых лат. *moenia* ‘городские стены’ (ср. *moenibus urbem cingere* или *circumdāre* ‘окружить’ или ‘обнести город стеной’ (ЛРС, 558)), но и собственно ‘город (внутри стен)’, *mūnio,-īre* ‘ограждать’, *mūrus* ‘стена (преимущественно городская)’, ‘вал’ – из и.-е. **mei-* – наряду с лит. **miēti*, лтш. *mīet* ‘вбивать в землю тычину частокола’ и лит. *miētas*, лтш. *miets* ‘кол’. Еще «в этой связи заслуживают внимания такие анатолийские назва-

⁴ Ср. *miet mietu zemē* ‘вколачивать кол в землю’ (LaLKŽ, 382).

⁵ В отношении сказанного в абзаце см.: Būga I, 370, II, 256; LEW, 451; Karulis 1992, I, 592–593; Mayrhofer II, 636–637, 683; Pokorny 1959, 709; Skardžius I, 321: §182; Walde–Hofmann II, 80, 100–101, 131–132; значения древнеиндийских слов по СРС, 511, 512, 521, латинских – по ЛРС, 558, 568, 570.

ния г о р о д а, как лув.-иерогл. *mini-*, лик. *meñna-*, м. б. хетт. **mina/i-*», которые тоже, видимо, восходят к и.-е. **mei-* ‘укреплять’ (Топоров 1981, 124). Таким образом, данный глагольный и.-е. корень **mei-* ‘укреплять’ развивает не только значение ‘кол’, но и ‘частокол’, ‘ограждение’, ‘городская стена’ и собственно ‘г о р о д’, причем типологически это весьма характерно (дополнительно ср. лат. *pāgus* ‘село, деревня, округ’ из *pango,-ere* ‘вбивать, вколачивать’ (ЛРС, 625, 628; Walde–Hofmann II, 236, 245–246)). Отношение значений ‘ограждение, ограда’ и ‘город’ в отдельном обсуждении вообще не нуждается: достаточно указать на др.-русск. *городъ* ‘ограда, забор’ и ‘укрепление, крепость, город’, русск. *город* ‘населенное место, огороженное стеной, оградой для защиты от неприятеля, крепость’, диал. (волог., калуж.) ‘изгородь, ограда’, (арх., перм., терск.) ‘огороженное место’ и т.п. (праслав. **gordъ*) (см. ЭССЯ VII, 37–38). В литовском славянскому слову в точности соответствует *gařdas* ‘огороженное место, загородка, загон для скота в пастбище’ и т.п., но также и ‘город’, причем последнее значение не является заимствованием из славянского, о чем свидетельствуют такие древние литовские топонимы, как *Gardai* (впервые упомянуто в 1253 г., сейчас Жемайчу Калвария), *Gařdamas* (местечко в Расейнской области) и *Gařdinas* (собственно Гродно). По словам К. Буги, «древне-русское название Гродна *Городень*, род. *Городна* заимствовано из литовской формы *Gařdinas*, ср. *gardinys, gařdinio* ‘отгородка в хлеве для мелких животных’» (Būga I, 440; см. Sabaliauskas 1994, 93; LKŽ III, 120).

Следует подчеркнуть, что на территории древних балтов, в частности современных литовцев и латышей, начиная по меньшей мере с верхнего неолита (конец III тысячелетия до н. э. – начало II), городища строились именно посредством сооружения укрепленных оград: они окружались (валом с) одним, двумя и более рядами частокола, которые дополнительно могли укрепляться горизонтальными брѣвнами, глиной, камнями и т.п. (см. Rimantienė 1984, 239–241; Volkaitė-Kulikauskienė 1987, 92; Gimbutienė 1985, 125).

Ср. в этой связи типичные примеры употребления лит. *miētas*: *Pritaisė daugybę mietų, kana kiek tvorų galės aptverti* ‘Приготовил множество колов, достаточно заборов сможет загородить’; деноминативов *miētyti, mietuoti* ‘вколачивать колы’: *Mietyk mietus, kol užmietysi, o paskui tverk* ‘Колоти колы, пока заколотишь, а потом городи’; *Vienas mietuoja, antras tveria tvorą* ‘Один колы вколачивает, а другой забор городит’ (LKŽ VIII, 157–158); лтш. *miets* в словосочетаниях *mietu žogs* ‘забор из колов, жердей’, *sētas miets* ‘кол, жердь в заборе, оgrade’ (LaLKŽ, 382), притом что лтш. *sēta* означает не только ‘забор, ограда’, но и ‘двор, усадьба’, а *pilsēta* – буквально ‘город’ (< *pils sēta* ‘ограждение городища’). Весьма показательны поэтому, что С. Даукантас (XIX в.), описывая строительство древнелитовского городища, прибегает именно к существитель-

ному *miētas* 'кол': *Vardas pats pilis, nuo žodžio pilti, rodo, ką jis žymina, nesgi kalnėnai ir žemaičiai, norėdami savo lobį nuo neprietelių paglemžti, strūnijo tas pilis tokiu būdu. Visų pirma [...] pylė žemės sienas, į ketvirtainį pailguotiną pavėdžias, it į trobesį keliais sieksniais aukštą ir mažne tiek pat storą; nuo neprieinamosios pusės buvo anga, o visos to ketvirtainio sienos kaip iš lauko, taip ir iš vidaus giliu grioviu apkastos, kurio griovio lauko pašalys buvo užvertas statiniu ažuolo atbulų m i e t u, prie kits kito sudurtų. Ant tų sienų viršaus [...] vėl buvo atbulų m i e t u statinys, už kurio pilies gyventojai stoję akmenaičius iš svilksnių ant neprietelių svaidė it krušą bėrė* 'Само название *pilis* 'городище', от слова *pilti* 'сыпать', показывает, что им обозначается, ибо литовцы, с целью защиты своего добра от врагов, строили их следующим образом. В первую очередь [...] насыпали земляные валы, напоминающие прямоугольник или здание высотой в несколько саженей и такой же толщины; с непроходимой стороны было отверстие, а все стены прямоугольника, как снаружи, так и изнутри, окружал глубокий ров, внешний край которого огораживался частоколом из приставленных друг к другу перевернутых дубовых колов. На такой стене [...] опять же стоял частокол из перевернутых колов, из-за которого жители городища градом сыпали на неприятеля камни из пращей' (Daukantas 1976, 598–599)⁶.

Следовательно, в о - п е р в ы х, вполне правдоподобным было бы предположение о том, что и глагол лит. **miēti* (лтш. *miet*) 'вбивать в землю тычину частокола' мог применяться в отношении сооружения городища, т. е. древнего города. И если с суффиксом *-ta-* из этого глагола правомерно получается существительное *miētas* 'кол' (Skardžius I, 321: §182 (шире 319–324: §181–183)), то с суффиксом *-sta-* (Skardžius I, 324–325: §184) из него же не менее правомерно могло быть образовано и существительное лит. **miēstas* в значении 'частокол' > 'город'. Ср. *gruñstas* 'ком (земли)' наряду с *gruñtas* 'то же' из *gruñti* 'сжимать, мять, комкать'; *lañkstas* 'изгиб, объезд, обход' наряду с *lanktas* 'свод', *lañkas* 'дуга' из *leñkti* 'сгибать, гнуть' (Skardžius I, 324–325: §184)⁷ и др.

⁶ При переводе не ставилось целью отражение стиля текста.

⁷ См. соответственно LKŽ III, 663–665 и VII, 134, 137, 347 сл. Ср. Būga II, 592. Причем с суффиксом *-sta-* от глагольных корней образуются именно существительные результативного значения (*nomina acti*) (Ambranzas 1993, 93: §146). Предложенное В. Смочиньским объяснение элемента *-sta-* в качестве результата «ре-сегментации» носителями языка интенсивно-итеративных глаголов с суффиксом *-styti* – например, *klōst-as* (наряду с *klōt-as*) 'складка' или мн.ч. 'жерди, на которых расстилается лён, мостки' < *klōst-yti* < *klō-styti* 'расстилать' (итератив от *klōti* 'стелить, стлать') (Smoczyński 2000, 162, 167–168; см. LKŽ VI, 149–152) или, обращаясь к уже знакомым примерам, *gruñst-as* < **gruñst-yti* < **gruñ-styti* (итератив от *gruñti*), *lañkst-as* < *lañkst-yti* < *lañk-styti* 'сгибать, изгибать, гнуть, складывать' (итератив от *leñkti*) и т.п. – не меняет сути дела, так как в данном случае достаточно было бы указать как на промежу-

Во - в т о р ы х, если лит. **miēti* (лтш. *miet*) 'вбивать в землю тычину частокола' отвечает и.-е. глагольному корню **mei-* 'укреплять', то вполне правомерно было бы от расширенного корня и.-е. **mei-t-* ожидать в литовском глагола **miēsti* с тем же или близким значением.⁸ Причастие страдательного залога прошедшего времени с суффиксом *-ta-* от этого глагола имело бы форму именно **miēstas* – совершенно так же, как *miētas* первоначально является причастием страдательного залога прошедшего времени от глагола **miēti*. Аналогичное отношение показывают, например, такие глаголы, как *skriėti* в значении 'вращаться, описывать окру-

точное звено на интенсивно-итеративный глагол **miestyti*, на тех же правах образованный с помощью суффикса *-styti* от **miē-ti* 'вбивать в землю тычину частокола', причем итеративность обозначаемого им действия в результате тем более подразумевала бы не отдельный 'кол' (*miētas* из **miēti*), а именно 'частокол' > 'город' (**miēstas* из **miestyti*).⁸ Тут можно вспомнить деноминатив *miētyti* 'вколачивать колы', который формально может рассматриваться не только в качестве деноминатива, но и в качестве производного с суффиксом *-yti* непосредственно от первичного глагола **miēsti*, причем производные с этим суффиксом получают характер либо каузатива (реже, ср. *mirk-ti* 'мокнуть': *mirk-yti* 'мочить'), либо итератива (более регулярно, ср. *spāus-ti* 'жать': *spāud-yti* 'сжимать'; *teñp-ti* 'тянуть, тащить': *tamp-yti* 'потягивать, дергать, таскать'; *mēs-ti* 'бросить, кинуть': *mēt-yti* 'бросать, кидать' и т.д.) (Gramatika 1994, 396–397, 399; Skardžius I, 529–532, 534–535: §237). В нашем случае, правда, согласно правилу изменения огласовки корня в древних глаголах на *-yti*, следовало бы ожидать глагол **maityti* (ср. *aižyti* 'лучить': *iēžti*, *svāidyti* 'бросать, кидать': *sviēsti* 'бросить, кинуть' и др.), однако со временем глаголы с *-yti* по аналогии стали образовываться также из корней первичных глаголов (Skardžius I, 529–532). Учитывая такую оговорку, в *miētyti* 'вколачивать колы' все же можно усмотреть наличие глагольного корня *miet-*, первичным производным которого как раз был бы не засвидетельствованный глагол **miēsti* (**miēčia*, **miētē*). При помощи данного глагола можно было бы более удачно объяснить и название луга *Miestinė* в окрестностях поселка Картена (Skardžius I, 266: §154): не как 'городской, принадлежащий городу' от существительного *miēstas* 'город' (в таком случае в качестве атрибута скорее бы ожидался просто генитив *miesto*), а как 'огороженный (оградой со вбитыми колами)' именно от глагола **miēsti* в качестве имени результативного значения (*nomcn acti*), ср. *kastinė* 'выкопанная яма' от *kāsti* 'копать' (LKŽ V, 395) и пр. [о регулярных именах результата действия (*nomina acti*) с суффиксом *-inis*, *-inė* см. Ambranzas 1993, 95–96: §151]. В отношении такого словообразования вместе с соответствующей семантикой ср. литовское название Гродна *Gařinas*, а также апеллятивы *gardinys* 'отгородка в хлеве для мелких животных' и особенно *gardinis* 'то же' (LKŽ III, 122). В таком случае *Miestinė* (*pieva*) означало бы просто '(оградой со вбитыми колами) огороженный (луг для пастбища)', что звучит куда правдоподобнее, чем связь с городом (хотя последняя, разумеется, тоже возможна). Такое понимание названия луга *Miestinė* в свою очередь могло бы служить дополнительным аргументом в пользу реконструкции глагола **miēsti*.

ность' (от которого происходит существительное *skreītas* 'поднятый подол') и *skriēsti* (*skriēčia, skriētē*) 'описывать круг (циркулем)', из которого в свою очередь образовано существительное *skriestas* в значении 'циркуль' (наряду со *skriestūvas*) (LEW, 816–817; LKŽ XII, 1050, 1069–1070 и сл.). Также *siēti* 'связывать, соединять' и *siēsti* (*siēčia, siētē*) в том же значении (LKŽ XII, 530, 531 и сл.) и др.

А поскольку «в определенных случаях трудно сказать», по словам П. Скарджюса, «имеем ли мы суффикс *-sta-* или *-ta-*, напр., *kařstas* (зоол.) землеройка, *Spitzmaus* Svėdasai (: *keřta, kiřsti*)» (Skardžius I, 325: §184) и т. п., то и существительное *miestas*, при его литовской интерпретации, может рассматриваться как в качестве производного от глагола **miēti* 'вбивать в землю тычину частокола' с суффиксом *-sta-*, так и в качестве производного от (менее надежного) глагола **miēsti* с суффиксом *-ta-*, тем более что относительно значения обе возможности равноценны.

Таким образом, литовское *miestas* с не меньшим успехом может быть объяснено непосредственно теми же словами, которыми объясняется славянское **město*, в частности в качестве «образования с суффиксом *-to*, сложившегося на базе и.-е. **mēit-* (: **mait-* : **mit-*) с общим значением 'укреплять; палка, бревно' (Pokorny 709)» (ЭССЯ XVIII, 205–206). Первично **meit-to(s)* – «прилагательное, которым определялась определенная часть пространства, отграниченная, отделенная от остальной территории» (там же, 206), притом отграничение это подразумевает именно частокол или, во всяком случае, ограду со вбитыми в землю колами, лит. *miėtas* (лтш. *miets*), чем в свою очередь сохраняется связь с глаголом **miēti* (лтш. *miēt*). Достаточно вспомнить, что «слав. **město* предстает как новообразование праславянской эпохи, по типу имен на *-to* оформлена и.-е. основа (именная или глагольная), утраченная славянскими языками», и что слав. **město* по определению – «этимологически трудное слово, лишено внутренних славянских связей» (там же, 205) и т. п., чтобы со всей очевидностью выступило преимущество именно балтийской этимологии лит. *miestas* (как и латышского и древнепрусского слов), а может быть, в конечном счете, и самого славянского **město* (в частности в балто-славянской перспективе).

Первичным значением лит. *miestas*, таким образом, было бы 'огороженный'. Такое же значение мы в полном праве предполагать и для источника праславянского слова **město* 'место, locus': ср. ст.-польск. *miasto*, др.-русс. *мѣсто* в значении 'огороженная стеной территория' (XVI в.), др.-русс. *мѣсто* в значении 'определенное ограниченное место' («Повесть временных лет», XI в., и др.) (ЭССЯ XVIII, 203–204), а также уже цитированное определение первичного праславянского и, в конечном счете, индоевропейского слов в качестве прилагательного, «которым определялась определенная часть пространства, отграни-

ченная, отделенная от остальной территории», или «ограниченная часть пространства, определенная часть пространства, где может расположиться что-либо» (см. выше). За типологическими примерами развития значения 'место' из первичного 'ограниченный, огороженный' тоже далеко ходить не надо. Ср. лит. *vietà*, лтш. *vieta* 'место', которые К. Карулис весьма убедительно связывает с лит. *vūtis* 'лоза, прут', лтш. диал. *vīte, vītis* 'стебель, вьюнок', русск. *ветвь* и др. (и.-е. **ueit-* < **uei-* 'гнуть, вить'), ср. лтш. *apvītis* в значении 'обведенный оградой' (XVII в.) < 'вокруг утыканный ветвями' или 'огороженный свитыми лозами'. Первичным значением лит. *vietà*, лтш. *vieta* 'место', таким образом, согласно автору, является **отмеченное утыканными или свитыми ветвями, огороженное пространство*, ср. лтш. *dārza vieta* 'огороженная площадь для огорода', *mājas vieta* 'усадебные постройки с огороженным во круг пространством' и т. п. (Karulis 1992, II, 526–527)⁹. Последний пример в нашем случае особенно показателен, так как здесь налицо потенциальное развитие в сторону значения 'город'. Значением 'двор, усадьба' до недавнего времени обладало также лит. *vietà* (Būga I, 335), типологически указывая, в свою очередь, на внутреннюю предрасположенность к развитию значения 'город' и для праславянского **město*. Другим типологическим примером соответствующих семантических отношений могут служить упоминавшиеся уже русск. *город* 'населенное место, огороженное стеной, оградой для защиты от неприятеля, крепость', но и просто (диал.: арх., перм., терск.) 'огороженное место' (к лтш. *dārza vieta* 'огороженная площадь для огорода' ср. русск. *огорód*), также лит. *gaĩdas* в самом общем значении просто 'огороженное место', но также и 'город' и т. п.

Почему же, собственно, литовское слово *miestas* все-таки считается заимствованием? Решающий аргумент по этому вопросу в свое время высказал К. Буга: «Литовский дифтонг *ie*, восходящий к древне-русскому *ѣ*, в северо-западных (Тельшевский у.) и юго-восточных (Россиенский у.) жемайтских говорах строго отличается от другого, пралитовского, дифтонга *ie*. В северо-западных жемайтских говорах пралитовский дифтонг *ie* звучит как дифтонг *ei* (с „закрытым“ кратким *e*), а в юго-восточных – как монофтонг *i*. Напр. *pieva* 'луг', *liepa* 'липа', *siėti* 'вязать', *rieti* 'складывать (дрова)', *kielė* 'трясогузка' в только что названных говорах произносятся: *pėiva – pėiva, lėipa – lėipa, sėitė – sėitė, rėitė – rėitė, kėilė – kėilė*, между тем как заимствованные *vierà, sviėtas, viėdras* и др. произносятся на аукштайтский лад с дифтонгом *ie*. Во всех аукштайтских говорах оба дифтонга вполне совпали в одном *ie*. У аукштайтов одинаково произносятся *ie* и в исконно-литовском *sietas* 'сито' и в заимствованном *sviėtas* 'свет'.

⁹ Иные, менее убедительные толкования этих слов см. Būga I, 335, 491; Pokorny 1959, 1123–1124; ср. Фасмер 1996, I, 321 и др.

[...] Жемайтское *miēst(a)s* 'город' своим *ie* ясно показывает, что и аукштайтское название города-места *miēstas* не есть исконно-литовское слово» (Būga I, 345). Указанные жемайтские говоры, таким образом, являются единственным серьезным аргументом в пользу заимствования слова *miēstas*, ибо на основе аукштайтского, т. е. собственно литовского языка такого вывода сделать нельзя. Однако оказывается, что жемайтские говоры «на аукштайтский лад» произносят не только заимствования, но и некоторые слова литературного языка. Так, в качестве примера, в «Диалектологии» З. Зинкявичюса наряду с заимствованиями *b'iesas* 'бес', *gr'iēks* 'грех', *pl'iēnc* 'плен', *sus'iēc* 'сосед', *s'v'iec* 'свет', *v'iēdras* 'ведро' и др., к которым, разумеется, причисляется и *m'iēsc* 'город', даются такие исконнолитовские слова, как *d'iēcas* 'бог', *s'iēlā* 'душа', *v'iēšpac* 'господин, господь', *v'iēšas* 'публичный, общественный, открытый' и др. (Zinkevičius 1966, 86). Указанные исконнолитовские слова, произносимые в жемайтских говорах на аукштайтский лад под влиянием литературного языка, к тому же хорошо известны с самых ранних письменных памятников литовского языка, как и *miēstas*. Следовательно, можно предполагать, что известное влияние на произношение этих слов жемайтские говоры могли испытывать задолго до окончательного формирования литературного языка в начале XX века. В свою очередь нельзя упускать из виду тот факт, что соответствующее фонетическое воздействие с теми же последствиями могло происходить и со стороны именно славянских слов, широко использовавшихся в Великом княжестве Литовском, учитывая при этом принципиальное различие между фонетическим воздействием и заимствованием. А указанные обстоятельства снимают аргумент Буги в качестве окончательного: произношение литовского слова *miēstas* в жемайтских говорах XX века не может служить окончательным аргументом в пользу его заимствования, тем более в литовский язык первых письменных памятников.

Таким образом, в действительности пока не существует достаточно веских аргументов в пользу заимствования лит. *miēstas* из славянского. Наоборот, есть все основания рассматривать это слово как исконнобалтийское, отношение которого к соответствующему славянскому в таком случае нуждалось бы в специальном исследовании.

Литература и источники

- ДГРС – Древнегреческо-русский словарь / Составил И.Х. Дворецкий. Москва, 1958.
ЛРС – Латинско-русский словарь / Составили Дворецкий И.Х., Корольков Д.Н. Москва, 1949.
Срезневский 1989 – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка (репринтное издание). Москва, 1989.
СРС – Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Москва, 1996.
Топоров 1981 – Топоров В.Н. К семантике четверичности (анатолийское *тец-* и др.) // Этимология 1981. Москва, 1983.
Фасмер 1996 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. Санкт-Петербург, 1996.
Черных 1999 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. Москва, 1999.
ЭССЯ VII, X, XVIII – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под редакцией О.Н. Трубачева. Москва, Т. VII: 1980; Т. X: 1983; Т. XVIII: 1993.
Ambrazas 1993 – Ambrazas A. Daiktavardžių darybos raida. Lietuvių kalbos veiksmažodiniai vediniai. Vilnius, 1993.
Buck 1949 – Buck C.D. A dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949.
Būga I–III – Būga K. Rinkiniai raštai. Т. I–III. Vilnius, 1958–1962.
Daukantas 1976 – Daukantas S. Raštai. Т. I. Vilnius, 1976.
Gimbutienė 1985 – Gimbutienė M. Baltai priešistoriniais laikais: etnogenezė, materialinė kultūra ir mitologija. Vilnius, 1985.
Gramatika 1994 – Dabartinės lietuvių kalbos gramatika / Redaktorius V. Ambrazas. Vilnius, 1994.
Karulis 1992 – Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Sēj. I–II. Rīga, 1992.
LaLKŽ – Balkevičius J., Kabelka J. Latvių-lietuvių kalbų žodynas. Vilnius, 1977.
LEW – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, Göttingen, 1962–1965.
LKŽ – Lietuvių kalbos žodynas. Т. I–XX. Vilnius, 1956–2002.
Mayrhofer I–III – Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. A Concise Etymological Sanskrit Dictionary. Bde. I–III. Heidelberg, 1956–1976.
Mažiulis I–IV – Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologinis žodynas. Т. I–IV. Vilnius, 1988–1997.
Mažiulis 1981 – Mažiulis V. Prūsų kalbos paminklai II. Vilnius, 1981.
Pokorny 1959 – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern, München, 1959.
Rimantienė 1984 – Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius, 1984.
Sabaliauskas 1990 – Sabaliauskas A. Lietuvių kalbos leksika. Vilnius, 1990.
Sabaliauskas 1994 – Sabaliauskas A. Iš kur jie? Pasakojimas apie žodžių kilmę. Vilnius, 1994.
Skardžius I–V – Skardžius P. Rinkiniai raštai. Т. I–V. Vilnius, 1996–1999.
Smoczyński 2000 – Smoczyński W. Litewskie wyrazy typu *iñdas*, *āpstas* oraz typu *sañdas* // Балто-славянские исследования 1998–1999. Москва, 2000.
Walde–Hofmann I–II – Lateinisches etymologisches Wörterbuch von A. Walde / 3., neubearbeitete Auflage von J.B. Hofmann. – Bde. I–II. Heidelberg, 1938–1954.
Volkaitė-Kulikauskienė 1987 – Volkaitė-Kulikauskienė R. Brūkšniuotosios keramikos kultūra // Lietuvių etnogenezė. Vilnius, 1987.
Zinkevičius 1966 – Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija: lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija. Vilnius, 1966.
Zinkevičius 1987 – Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorija. Т. II: Iki pirmųjų raštų. Vilnius, 1987.